

ДЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА В МОРАЛИ

Г.Н. МЕХЕД

Как отмечают биографы Салама Керимовича Гусейнова и он сам, в его жизни не было каких-то суперярких эпизодов, экстраординарных событий, масштабных п(р)орывов или провалов. Но его жизнь состояла из постоянного и планомерного продвижения вперед, реализации определенной, обретенной еще в ранней юности Цели, Мечты, Идеи¹, обретенной, скорее всего, вначале неосознанно, и только затем, по мере продвижения к ней, медленно и последовательно осознаваемой и реализуемой на опыте собственной жизни.

* * *

Говоря об интеллектуальных собеседниках, повлиявших на формирование философского стиля Гусейнова, следовало бы назвать Аристотеля, Канта, Швейцера, Толстого, Бибикина и Зиновьева. У Аристотеля Гусейнов находит идею высшего блага без ограничения как предела субъективной мотивации поступка и идею тавтологического совпадения высшего блага с добродетельной личностью. Кантово учение об автономной и доброй воле, выражающейся в абсолютных запретах, дедуцируемых из категорического императива, на мой взгляд, более всего повлияло на становление философской позиции Гусейнова и как теоретика морали, и как разработчика оригинальной нормативной концепции. Именно со спецификой кантовской аргументации, как мне кажется, связано включение запрета на ложь в кодекс негативной этики. В то же время абсолютная этика благоговения перед жизнью Швейцера и учение о непротивлении злу силой Толстого отражаются во втором кардинальном запрете негативной этики – запрете на убийство. В оценке нравственного поступка как высшей формы индивидуально-ответственного поведения Гусейнов следует за Бахтиным, а моральную субъектность трактует в духе максимы Зиновьева «Я – суверенное государство».

Именно этот афоризм Зиновьева, как мне кажется, применительно к Гусейнову наиболее полно выражает идею неотделимости философа от его философии. Эта черта присуща многим подлинным философам, в том числе перечисленным выше, но не профессорам философии, с которыми скромно отождествляет себя А.А. Гусейнов. Как отмечает он сам, «философия всегда была формой личного существования, образом жизни. Она задавала новые формы личного существования»². И в этом смысле негативная этика является не каким-то нормативным или теоретическим довеском к его жизни, а прямо-таки логически вытекает из нее, является ее продолжением и выражением, «формой личного существования». Их нельзя разделить даже в качестве мысленного эксперимента. Это внутренне присущий его жизни девиз.

В то же время, говоря о негативной этике как о своеобразном венце развития философии Гусейнова, нельзя не упомянуть о введенном им в научный оборот теории морали Золотом правиле нравственности и выделенном на его основе сослагательном наклонении морали. При этом я бы не стал вслед за Р.Г. Апресяном³ рассматривать философию

Гусейнова как последовательность нескольких, достаточно автономных этапов, на первом из которых Гусейнов рассматривает мораль как сферу гармонизации интересов и взаимоотношений между людьми, а на втором, негативном этапе, видит основной смысл морали в абсолютных запретах. На мой взгляд, в своих работах А.А. Гусейнов достаточно убедительно показывает, как посредством сослагательного наклонения, присущего моральной императивности, реализованной в универсальном принципе Золотого правила, происходит переход к обоснованию абсолютного значения запретов. В этом смысле концепция Гусейнова — достаточно цельная и ее развитие определяется генетическим подходом к морали (от первичных запретов-табу к универсальным принципам и от универсальных принципов к обоснованию абсолютных запретов). Если в какой-то момент, пожалуй, и происходит переход от генетического подхода к интеллектуалистскому, в рамках которого моральное сознание анализируется как некая данность, можно сказать, что этот переход подготовлен предварительным этапом исследования условий происхождения морали и анализом тенденций ее развития.

Главная аксиома, на которой основывается логика аргументации Гусейнова, состоит в том, что мораль есть сфера индивидуально-ответственного мышления, то, что относится только к самой личности как таковой, формирует ее глубинную основу. Это логика рационалистической парадигмы Декарта: моральному субъекту дано только его собственное *cogito* и это единственное, что дано ему непосредственно и на что он может как-то повлиять. Другие сознания непроницаемы для нашего собственного *cogito*, у нас нет доступа к их когнитивному опыту, к их качественным состояниям. На самом деле мы даже не знаем, существуют ли другие сознания в полном смысле этого слова. Я могу судить о них только по аналогии с самим собой. Конечно, для этого я уже должен быть выделен из толпы и осознавать себя как нечто индивидуальное, несводимое ни к чему другому. Суждение-признание другого уже подразумевает мысленный эксперимент, в ходе которого я ставлю себя на место другого. На этой логике основывается Золотое правило нравственности в своей негативной форме: я признаю других и индивидуальное благо другого, хотя я не могу знать точно, в чем состоит это благо.

Тем не менее, поскольку непосредственно мне доступно только мое собственное сознание, то и ответственным за какое-либо событие (поступок) я могу быть только в том случае, когда являюсь единственной его причиной. Я не могу и не должен судить о других, я могу судить только себя и о самом себе. Такая логика сразу же отсекает возможность какой-либо общественной, коллективной морали в смысле чего-то единого и целого. Общественная мораль складывается исключительно из суммы индивидуальных моралей. Это становится очевидным из рассуждения А.А. Гусейнова о субъекте насилия: «Этику насилие интересует в качестве *действия индивида* (курсив автора. — Г. М.), такого его действия, совершение или несовершение которого зависит от его сознательной воли, его убеждений, верований, намерений. Когда же речь идет об институционально закрепленных, исторических и иных массовых формах насилия (типа смертной казни, войны, восстаний, этнопсихозов и т.п.), этика расчленяет их на индивидуально-ответственные действия, исходя из убеждения, что институциональное, историческое, социологическое

и всякое иное предметное оправдание и моральное оправдание — разные вещи»⁴.

При такой постановке проблемы, исследующей моральность в своей идеальной чистоте, областью специфической моральной ответственности могут быть только мотивы поступков. Даже сами поступки в той области, которая касается их реализации на практике, изымаются из области морали. Эту область Гусейнов именует зоной специальной ответственности, заимствовав этот термин у Бахтина. Единственной формой подлинно морального поступка для него является негативный поступок. Только негативный поступок может целиком находиться в зоне свободы воли личности, поскольку отказаться от свершения какого-либо поступка можно всегда — пока поступок не совершен. А как же аффективные поступки? Они попросту не рассматриваются Гусейновым как подлежащие моральному суду, поскольку само их название уже говорит о том, что они совершены не свободно, что они не выражают волю и не являются результатом решения морального субъекта, его сознательного выбора. Таким образом, именно возможность личности целиком и полностью отвечать за свой поступок, быть его единственной причиной, является для Гусейнова основной характеристикой морали, задающей логику как его теоретической позиции, так и нормативной этики.

Немного модифицировав мысленный эксперимент, предлагаемый в критической статье А.В. Прокофьева⁵, спросим: «Назовем ли мы добрым человека, о котором мы знаем только то, что за всю свою жизнь он ни разу не убил и не солгал?» Очевидно, что нет. Однако подобные аргументы лишь частично попадают в цель, во-первых, потому, что для Гусейнова только сам поступающий, точнее непоступающий, субъект может отвечать на подобные вопросы и потому мысленные эксперименты в области морали ограничиваются исключительно областью своего собственного *cogito*. К тому же ситуация негативного поступка — это не просто пассивное неучастие или отказ от деяния, а это такой отказ, который совершается в ситуации, когда все внешние обстоятельства и внутренние склонности подталкивают к тому, чтобы совершить этот поступок (например, солгать). Во-вторых, как и для Канта, для Гусейнова моральный абсолютизм воплощается не столько в сфере собственно поступков, сущего, сколько направлен исключительно на идеально-должное, на установление абсолютной границы между добром и злом. Поэтому не столь уж важно, каков реальный эмпирический субъект поступка, — важно его отношение к этому поступку как морального субъекта. Эмпирический субъект, таким образом, не совпадает с моральным субъектом. И это раздвоение мира на должное и сущее, как и самого субъекта поступка — на моральный и эмпирический субъекты — является характерной чертой морального абсолютизма вообще.

Из этой абсолютистской логики вытекает своеобразное отношение к тем ситуациям, когда приходится выбирать меньшее зло. Этот выбор вообще не находится в области морали, по Гусейнову. В ситуации выбора большего или меньшего зла человек вынужден руководствоваться какими-то иными, не моральными мотивами, а, следовательно, это не является его ответственным выбором, не является компетенцией моральной ответственности. Суть позиции Гусейнова можно сформулировать так: не надо меньшее зло называть добром только потому, что оно кажется меньшим по сравнению с большим. Именно такое название зла, пусть

и меньшего, добром, по Гусейнову, является моральным релятивизмом, т.е. позицией, согласно которой добро и зло — взаимосоотносительные понятия, границы между которыми динамически меняются в зависимости от контекста, ситуации. Конечно, Гусейнов признает невозможность обоснования какого-либо содержательного понятия добра (это было бы трудно сделать после «Принципов этики» Мура), однако именно поэтому он видит в запретах такую важную роль. Они как бы негативно очерчивают фигуру добра на фоне зла, то пространство, ту зону, в которой зло никогда не станет добром, а добро — злом. Если человеку приходится убивать в целях самозащиты или на войне, то это вовсе не значит, что он совершает добро, и именно потому, что добро невозможно определить положительно. На этом же рассуждении основывается довольно жесткая антиморализаторская позиция Гусейнова — никто не может говорить от лица морали, добра, потому что никто не знает, в чем конкретно (в какой позитивной ценности) оно состоит.

С одной стороны, такая позиция позволяет нащупать подлинное и абсолютное пространство морали, ее «топос ураниос», в котором личность тождественна самой себе, является богом почти в буквальном, неметафорическом смысле. Кажется, эта негативная диалектика перекликается с той глубокой заинтересованностью в идее борьбы и единства противоположностей, которая, по воспоминаниям самого Гусейнова, и привела его на философский факультет⁶. Как бы то ни было, в таком понимании воплощается великая рационально-критическая традиция европейской философии. С другой стороны, такое понимание морали, на мой взгляд, чересчур критическое. Это почти полная апофатика, почти стерильность. От морали остается лишь небольшая часть того, что в обыденном языке и даже в этической традиции принято ассоциировать с моралью. Не слишком ли дорогой ценой дается такое понимание морали?

В одной из последних статей А.А. Гусейнов пишет: «Мораль (нравственность) состоит в том, чтобы не убивать и не лгать. А задача этики состоит в том, чтобы обдумать, почему это так»⁷. Но ведь даже без всяких мысленных экспериментов обыденное моральное сознание уверенно скажет, что добро не состоит только в том, чтобы не убивать и не лгать. *Смысл* морали не может состоять *только* в том, чтобы не лгать и не убивать. Негативное ядро морали, фундамент, на котором она строится — да, но не смысл морали как таковой. Ведь в повседневной жизни мы очень редко сталкиваемся с такими однозначными ситуациями, когда мы можем совершить негативный поступок. Люди очень редко сознательно убивают друг друга и не так уж часто сознательно лгут. Да, конечно, в каких-то экстремальных ситуациях человек может попасть в ситуацию выбора между двумя альтернативами — между убийством и не-убийством или между ложью и правдой. И в таких ситуациях человек действительно не должен оправдывать выбор лжи или убийства моральными соображениями, а запреты, благодаря своей однозначной, безусловно-повелительной формулировке, в таких ситуациях действительно помогают не совершать насилия над моральным языком и не называть зло добром. Но, если уж говорить про экстремальные обстоятельства, то легко представить себе и такую ситуацию, в которой возникает конфликт между двумя кардинальными запретами — на ложь и на убийство — и тут уж мы никак не можем объявить эту ситуацию внеморальной. Мы не можем сказать, что

выбираем меньшее зло, потому что обе альтернативы представляют собой негативное выражение абсолютного добра.

Как же быть в случае конфликта двух равно абсолютных запретов? На мой взгляд, необходимо оставить в стороне запрет на ложь, и сосредоточиться только на запрете на убийство. Сам же А.А. Гусейнов предлагает понимать этот запрет расширенно — как ненасилие, невреждение. Однако «ненасилие» — более широкое понятие, чем однозначное «не убий» и, в принципе, включает в себя и запрет на ложь как специфический вид насилия. Возникает вопрос: нельзя ли развернуть на этой деонтологической основе какую-то положительно-ценностную перспективу? Проще говоря: нельзя ли переформулировать абсолютный запрет на убийство с помощью идеи двойного отрицания? И разве тогда негативный запрет не трансформируется в утверждение жизни как высшей ценности?

Редукция абсолютного добра только к негативным запретам чревата полным устранением смыслопорождающего контекста моральных ценностей. Значение запретов, в отличие от любого положительно определенного принципа, ценности или требования, видится Гусейнову в том, что они однозначны. Их нельзя трактовать как-то двусмысленно, они не оставляют лазеек для самооправдания и спекуляций, в отличие от ценностей, требований, универсальных принципов. Но разве двусмысленность или, точнее, многосмысленность, сама эквивокативная природа моральных ценностей и норм всегда является предметом лишь морализаторства и самооправдания задним числом?

Необходимо отметить, что, отталкиваясь от наличного бытия зла и «ничтожа» его в запретах, мы можем делать это только исходя из определенного представления о добре, пусть неясного и размытого. И это представление есть смутно чувствуемая нами связь между добром и бытием, смутная интуиция того, что бытие в своей основе есть добро. Но если бытие есть, то небытия, в том числе как отрицания добра, нет — по крайней мере, не должно быть. Пустое, как замечает Сартр, «является пустым *от* чего-то. Однако бытие пусто от всякого иного определения, чем тождество с самим собой. Но небытие пусто *от бытия* (курсив мой. — Г. М.)»⁸. Таким образом, также как небытие зависит от бытия, зло логически зависит от добра, поскольку оно является отрицанием того, что есть.

Одни лишь запреты как абсолютная, древнейшая основа морали, и как условие существования любого общества, будучи возведенными в принцип, не могут выступать идеалом. Во-первых, потому что они могут конфликтовать друг с другом. Во-вторых, запреты могут только очертить границу между злом и добром, но не могут дать представление о добре, не могут дать проекцию совершенной личности, они лишь обозначают необходимую основу «личности» вообще (моральной субъектности).

Проблема критической рациональности, отстаивающей именно запреты в качестве абсолютной границы между добром и злом, состоит в том, что она убивает идею позитивного поступка и вынуждена оставаться в стерильной атмосфере чистой интенциональности. Если идею негативной этики довести до конца, то позитивные нравственные поступки оказываются дискредитированы. Они становятся внеморальными или, в лучшем случае, поступками второго сорта по отношению к негативным поступкам. По логике негативной морали лучше оставить зреющий поступок внутри себя и дать ему зачухнуть, чем выпустить во внешний мир,

где он будет подхвачен неумолимым законом детерминизма и встроен в жесткую логику причинно-следственных отношений, которую мы постигаем обычно *a posteriori*.

Ценности плохи тем, что в силу своей многозначности они могут становиться предметом злонамеренной спекуляции. Ведь не секрет, что люди вообще-то склонны оправдывать любые свои поступки тем, что «хотели как лучше, а вышло как всегда». Но «как всегда» выходит именно потому, что понятие добра наполняется каким-то конкретным содержанием, конкретной целью и при этом из сферы моральной оценки исключаются методы, средства достижения данной цели. Понятие добра предельно абстрактно, многозначно, это целый комплекс различных смыслов, и очень легко незаметно подменить его каким-то другим понятием, каким-то одним смыслом. С запретами это практически невозможно. Но подменить одни ценности другими легко только в том случае, когда при анализе методов и средств полностью забывают о запретах. Между тем любая ценность, в принципе, может быть приведена к какому-то конкретному, базовому для этой ценности запрету. И это неудивительно, учитывая, что исторически ценности развились именно из запретов. Если же мы, исходя из абсолютного запрета на убийство как некой начальной, аксиоматической точки, скажем, что этот запрет является только абсолютной основой, последним рубежом между добром и злом, размывание и размазывание которого грозит разрушением всей логики морали, но что это только «база» для ценностной надстройки, то мы сможем перейти к активному утверждению ценности жизни как высшего, ни к чему не редуцируемого блага.

Такой синтез негативной этики Гусейнова и этики благоговения перед жизнью Швейцера, на мой взгляд, вполне возможен. И для Швейцера и для Гусейнова мораль предстает как область подлинной рациональности, как форма индивидуально-ответственного мышления и поведения, основывающаяся на свободе воли человека. И этика жизни, и негативная этика предполагают нахождение какого-то элементарного, далее не разложимого принципа, позволяющего выстроить абсолютную границу между добром и злом. Различие — только в формулировке этого основного принципа: если Швейцер ищет высшее благо, высшую позитивную ценность и в итоге отождествляет добро с принципом сохранения и содействия развитию жизни, то Гусейнов отталкивается от наличного зла, идет путем негативной диалектики.

Оба пути имеют свои преимущества и свои недостатки. В случае позитивной этики Швейцера мы имеем слишком расплывчатый критерий, которым достаточно легко манипулировать. В случае негативной этики Гусейнова мы имеем только абсолютную границу между добром и злом, но еще не само добро; эта граница становится чистым добром только в экстремальной, катастрофической ситуации; иными словами она высвечивает границу человечества вообще, обозначает то, что делает нас людьми, но еще не дает нам универсального критерия добра и зла для повседневной жизни на уровне семьи, коллектива, где зло чувствует себя очень уютно.

Добро нельзя определить положительно и нельзя редуцировать к ценности жизни — это означало бы подорвать формальную автономию морали. Но, с другой стороны, в чем еще содержательно может состоять

мораль, как не в установлении высшей ценности жизни и отрицании отрицания жизни, каким, собственно, и является запрет на убийство? Сам А.А. Гусейнов не раз отмечал⁹, что считает невозможным до конца изолировать философскую теорию морали от самой морали и этики, поскольку теория морали так или иначе становится этикой в том месте, где ей приходится задумываться о содержательном, а не только формальном понятии морали. И если исторически содержание морали формировалось в гуманистическом ключе как установление высшей ценности жизни человека, то как можно здесь говорить о гетерономии? Содержательно мораль как раз и является тем, что оправдывает и утверждает высшую ценность жизни. С другой стороны, мораль не останавливается на этой констатации и разворачивает целую иерархию дополнительных норм и ценностей (на вершине которой стоит жизнь), нацеленных на практическую реализацию императива жизни и гармонизацию противоречий между разными формами и видами жизни.

Деонтологическая перспектива, выстраиваемая академиком Гусейновым, является важным и оригинальным вкладом как в теорию морали, так в историю учений о добре и зле. Однако негативная этика ненасилия должна быть дополнена, на мой взгляд, позитивной этикой жизни, полагающей определенную перфекционистскую перспективу на основе отрицания отрицания жизни и дающей ясный и достаточно элементарный критерий того, как себя вести человеку не только в экстремальных ситуациях, когда под вопрос поставлена сама его человеческая сущность, но и в повседневной жизни. При этом все ценности и нормы были бы так или иначе относительны в такой этике по отношению к главному запрету и выстраиваемой на его основе главной ценности.

* * *

Возвращаясь к негативной этике, необходимо отметить, что, как любая апофатическая логика, она является парадоксом. Парадоксально само высказывание о существовании негативного, т.е., по сути, несуществующего, несбывшегося поступка. Парадоксально и само существование негативной этики, которая говорит про мораль и о морали, и которую тоже можно рассматривать как своеобразный поступок — вполне авторский и индивидуально-ответственный — но этот позитивный поступок состоит в отрицании моральной ценности позитивного поступка.

Но более всего парадоксально то, что, несмотря на все критические замечания, А.А. Гусейнов своим примером, своей собственной жизнью доказывает действенность негативной этики, синтезируя в себе волю к истине и волю к жизни. Может быть, дело в том, что именно следование запретам создает человека как личность, вычерчивает его как фигуру из фона, основывает как бесконечную внутреннюю империю, границы которой оказываются вовсе и не границами, а сплошными переходами в состояние абсолютной свободы? Ведь с чего начинается любой рисунок, чертеж? С листа белой бумаги и черной точки, разворачивающейся в бесконечную по своей устремленности во времени и пространстве линию, которая полагает границу, определяет форму будущего. Граница между добром и злом оказывается границей между личной субъектностью и бессубъектностью толпы, индивидуальной ответственностью и коллективной безответственностью.

Салам Керимович любит ссылаться на высказывание Витгенштейна о морали, согласно которому она относится к вещам, о которых следует молчать, потому что язык не приспособлен для адекватного выражения морали. Однако сам же Витгенштейн что-то все-таки о ней говорит. Средневековые богословы говорили о невыразимости Бога в понятиях и его непознаваемой сущности, но это было отрицание только предикатов, а не его существования, «ничтожение» фона ради высвечивания самой сущности, совпадающей с существованием. Сказать о чем-то, что оно невыразимо в языке — уже значит дать какое-то понятие, пусть и негативное. Это значит, по крайней мере, признать существование того, что невыразимо и непознаваемо, как это произошло с кантовской вещью-в-себе.

Так и я попытался, каким бы парадоксальным это ни казалось, негативным путем, через критическое осмысление и осмысление критики, прийти к пониманию личности Гусейнова, понять, как же негативная этика прорастает в позитивного Гусейнова. Насколько данная попытка имеет отношение к философии и науке, а не к терапевтическому самоанализу — судить не мне. Но я осознаю, что эта попытка не просто неокончена, но что она принципиально не может быть закончена. Потому что люди — не идеи, и даже философ не может быть сведен только к одной идее. И, следовательно, любая попытка понять через идею будет принципиально неполной, ошибочной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Не знаю, как психологи расценивают способности (общие склонности, задатки) человека. Но если среди них есть такая способность, как мечтательность, то именно она в юности превалировала в моей натуре над остальными» (Интервью с академиком РАН Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым // *Философия и этика: сборник научных трудов к 70-летию академика А.А. Гусейнова*. — М.: Альфа-М, 2009. С. 11).

² Интервью с академиком РАН Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым. С. 8.

³ *Апресян Р.Г.* Абдусалам Гусейнов. Очерк творчества // *Философия и этика: сборник научных трудов к 70-летию академика А.А. Гусейнова*. С. 35 – 60.

⁴ *Гусейнов А.А.* Что такое этика ненасилия? // Абдусалам Гусейнов. *Философия — мысль и поступок*. С. 524.

⁵ *Прокофьев А.В.* О концепции морали (нравственности) А.А. Гусейнова // *Мораль: разнообразие понятий и смыслов. Сборник научных трудов к 75-летию академика А.А. Гусейнова* / отв. ред. и сост. О.П. Зубец. — М.: Альфа-М, 2014. С. 113 – 130.

⁶ «На меня произвела очень сильное впечатление мысль о том, что все в мире развивается через противоречия... Я задумался: какое противоречие движет человеком?» (*Гусейнов А.А.* Анкета предполагает рассказ о жизни в профессии. С. 602).

⁷ *Гусейнов А.А.* Нравственность в свете негативной этики // *Мораль: разнообразие понятий и смыслов. Сборник научных трудов к 75-летию академика А.А. Гусейнова*. С. 13.

⁸ *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. — М.: АСТ, 2009. С. 78.

⁹ «Основания морали так же бесосновны, как и основания философии. Моралист имеет столько же прав сказать “не убий”, сколько и философ, когда он сообщает нам, что природа есть субстанция. Стремление избежать этического нормативизма и сопряженной с ним позиции демагогии порой проявляется в желании уйти

из этики в философию... Этика и философия, если о них вообще можно говорить раздельно, связаны друг с другом, а именно: перетекают друг в друга» (Интервью с академиком РАН Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым. С. 25).

REFERENCES

Apresyan R.B. Abdusalam Guseynov. Ocherk tvorchestva // *Filosofiya i etika: sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu akademika A.A. Guseynova*. – Moscow: Alfa-M, 2009.

Guseynov A.A. Anketa predpolagaet rasskaz o zhizni v professii // *Abdusalam Guseynov. Filosofiya – mysl' i postupok. Stat'i, doklady, lektzii, interv'yu*. – Saint Petersburg: SPbGUP, 2012.

Guseynov A.A. Chto takoe etika nenasiliya? // *Abdusalam Guseynov. Filosofiya – mysl' i postupok*.

Guseynov A.A. Nравственность в свете негативной этики // *Moral': raznoobrazie ponyatiy i smyslov. Sbornik nauchnykh trudov k 75-letiyu akademika A.A. Guseynova*. – Moscow: Al'fa-M, 2014.

Guseynov A.A. Etika professora ili ispoved' na zadannuyu temu // *Abdusalam Guseynov. Filosofiya – mysl' i postupok*.

Interv'yu s akademikom RAN Abdusalamom Abdulkеримовичем Guseynovym // *Filosofiya i etika: sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu akademika A.A. Guseynova*. – Moscow: Alfa-M, 2009.

Prokofiev A.V. O kontseptsii morali (nравственности) A.A. Guseynova // *Moral': raznoobrazie ponyatiy i smyslov. Sbornik nauchnykh trudov k 75-letiyu akademika A.A. Guseynova*. – Moscow: Al'fa-M, 2014.

Sartre J.-P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii. – Moscow: AST, 2009.

Аннотация

Статья написана к 75-летию юбилею академика РАН Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова и представляет собой размышления автора, недавнего аспиранта А.А. Гусейнова, о том образе научного руководителя, который сложился лично у него, в том числе в связи с развиваемой Гусейновым концепцией негативной этики.

Ключевые слова: А.А. Гусейнов, негативная этика, негативный поступок, Золотое правило нравственности, употребление сослагательного наклонения в текстах о морали.

Summary

The article is dedicated to the 75th anniversary of Full Member of the Russian Academy of Sciences Abdusalam A. Guseinov. There are considerations of the author, who recently had been a graduate student, about his personal image of his scientific supervisor in connection with the conception of negative ethics, which has been developed by A.A. Guseinov.

Keywords: A.A. Guseinov, negative ethics, negative action, the golden rule of moral, the conjunctive mood of moral.